ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРАХЪ. **

24 августа 1866 года неожиданно къ крыльцу Театральной школы на Неглинномъ проѣздѣ подъѣхала царская коляска. Государь пріѣхалъ одинъ и, выйдя изъ коляски, направился ко входу въ школу.

Встрѣтившій Государя при входѣ старикъ - швейцаръ Пѣтушковъ (Николаевскій служака), по слабости зрѣнія, не узналъ Государя и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе, посторонникъ пущать не приказано.

— Мнѣ можно, проговорилъ Государь, входя на первыя ступени парадnаго входа и сбрасывая съ плечъ свою шинель на руки швейцара.

Воспитанницы собирались обѣдать. Государь одинъ вошелъ въ рекреаціонный залъ. Нѣкоторыя, увидавшія его, воспитанницы подняли тревогу, и вся школа, быстро окруживъ сѣвшаго на стулъ Государя, стали на колѣни и кто какъ могъ сталъ выражать свою радость.

Завладѣвъ носовымъ платкомъ Государя и его кэпи, воспитанницы стали осыпать ихъ поцѣлуями, а также цѣловать пуговицы и сюртукъ Государя.

Государь, смѣясь, говорилъ:

— Тише, дѣти! Вы у меня всѣ пуговицы оторвете.

Спустившись внизъ и направившись по корридору въ столовую, гдѣ воспитанницамъ уже была подана лапша, Государь, взявъ ложку, попробовалъ кушанье и сказалъ:

— Какъ вкусно! У меня такъ не готовятъ.

Тотчасъ всѣ воспитанницы стали подносить Государю свои тарелки, умильно прося попробовать и крича:

— У меня ложечку! У меня ложечку!

На другой день воспитанницы получили по коробкѣ конфектъ.

Воспитанницы сшили отъ себя парусинный чехолъ, вышили на немъ вензель Государя съ короной, покрыли своею работою тотъ самый стулъ, на которомъ сидѣлъ Государь, и поставили его подъ мраморною доской съ соотвѣтствующею надписью.

Стулъ съ чехломъ и доска хранятся и теперь въ стѣнахъ Театральной школы.

—

27 декабря 1874 года, во время утренняго спектакля, при представленіи балета *Кащей*, во второмъ антрактѣ, танцовщицы спѣшили вверху по лѣстницѣ переодѣваться для слѣдующаго акта. Въ это время наборщикъ костюмовъ Кочетковъ несъ на плечѣ газовыя (тарлатановыя) юбки и неосторожно задѣлъ ими горѣвшій газовый рожокъ. Юбки мгновенно воспламенились. Кочетковъ съ испуга бросилъ ихъ въ толпу танцовщицъ у входа въ уборныя. Вслѣдствіе тѣсноты, тремъ танцовщицамъ, Гриневой, Сычевой и Николаевой, не удалось спастись. Костюмы на нихъ быстро воспламенились, и онѣ, получивъ очень тяжелые обжоги, вскорѣ скончались.

—

До семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, для собиранія въ театръ на репетиціи и спектакли, а также для обратной развозки по домамъ артистовъ, существовали собственные казенные экипажи, лошади и кучера, помѣщавшіеся въ домѣ театральной конторы, на Большой Дмитровкѣ, и состоявшіе въ распоряженіи управляющаго конторой или инспектора репертуара. Для разсыльныхъ, или, какъ прежде называли, ѣздовыхъ капельдинеровъ, были дрожки или „калиберъ“ на круглыхъ рессорахъ, прозванные „гитарою“, на которыхъ было принято сидѣть верхомъ.

Экипажи были четырехмѣстные, окрашенныя въ темнозеленый цвѣтъ. Лошади были хорошія, сытыя и подобраны въ пару подъ ростъ и одинаковаго цвѣта.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда театры поступили въ распоряженіе разсчетливаго барона К. К. Кистера, дирекція нашла выгоднымъ сдать экипажную часть подрядчикамъ. Права на экипажъ предоставлены были только всей драматической труппѣ, первымъ сюжетамъ балета и дамамъ кордебалета. Изъ числа оперныхъ артистовъ только первымъ сюжетамъ, а нѣкоторымъ лучшимъ хористкамъ полагались экипажныя деньги, въ размѣрѣ 30 р. въ годъ.

Въ первое время извощичьи экипажи были довольно приличны и исправны. Но вскорѣ экипажное дѣло стало портиться; появились разноцвѣтныя кареты при плохихъ лошадяхъ и сбруѣ. Кучера одѣвались неряшливо въ разнохарактерные армяки и уродливыя шапки.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ за содержаніе театральныхъ экипажей стали браться прогорѣвшіе театралы. При нихъ это дѣло дошло до полнаго безобразія. Вмѣсто экипажей появились какіе то разноформенные полинялые ящики, безъ стеколъ и фонарей. Ихъ Москвичи прозвали курятниками. Кузова были ободраны, рессоры дребезжали. Все это неприглядное устройство при проѣздѣ по улицамъ производило трескъ и шумъ невообразимый. Лошади въ эти злосчастные экипажи впрягались худыя, хромыя, кривыя, съ ободранною шерстью и малосильныя.

Артисты перестали ѣздить въ этихъ экипажахъ. На ихъ заявленія о плохомъ состояніи экипажей, имъ отвѣчали: „Скажите объ этомъ Григорію Ивановичу“.

То былъ конторскій чиновникъ. Разговаривать съ нимъ по этому поводу охотниковъ не находилось. Между тѣмъ не проходило дня, чтобы театральная карета не попала въ полицію. Каждый день какая-нибудь театральная колымага непремѣнно напроказитъ: повалитъ обывательскій или извощичій экипажъ, разломаетъ торговую палатку или кого-нибудь изувѣчитъ. Нерѣдко даже проваливалось въ каретѣ дно...

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Д. МУХИНЪ.

---

* При посредствѣ кахмистра Иванова, возвращавшагося въ Цайдамъ съ собранными въ сѣверномъ Тибетѣ коллекціями.

** См. *Моск. Вѣд.* №№ 161, 165, 179, 185, 197 и 204.